

А.Ю. Ватлин*

1922 — ЛУЧШИЙ ГОД КОМИНТЕРНА. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ, НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ И ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

Подписание Декларации об образовании СССР 30 декабря 1922 г. открыло новую страницу в истории международных отношений. В то же время это событие стало результатом напряженной внутри- и международно-политической борьбы в предшествующие годы. Для понимания ее перипетий, а также тех последствий, которые она имела для будущего международного рабочего движения, особый интерес представляет изучение деятельности Коммунистического интернационала. Как отмечает автор, для Коминтерна 1922 год прошел под знаком противоречивого сочетания инерции настроений «бури и натиска» первых послереволюционных лет и новых политических веяний, связанных со становлением идеологии мирного сосуществования. В этом контексте в статье проанализирована роль, которая отводилась лидерами большевиков Коминтерну в ходе подготовки и проведения Генуэзской конференции, прежде всего — политике единого рабочего фронта. Показано, что сама идея развития сотрудничества с социалистами и социал-демократами вызвала крайне неоднозначную реакцию представителей западных коммунистических партий. В этой связи особое значение для лидеров большевиков имела позиция Коммунистической партии Германии (КПГ). И действительно, ее пример представляется очень показательным с точки зрения понимания тенденций и противоречий развития международного коммунистического движения в рассматриваемый период.

Правление КПГ приветствовало коминтерновский поворот к единому рабочему фронту. Однако автор отмечает, что эта поддержка строилась на очень неустойчивом компромиссе между разнонаправленными внутри- и внешнеполитическими императивами, включавшими оппозицию левых

* Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vatlin_alex@mail.ru).

радикалов в самой партии, ее конфликт с правительством Веймарской республики, на которые накладывалась идейная и финансовая зависимость от Москвы. Как следствие, в действиях КПП в рассматриваемый период наблюдалась непоследовательность, которая была прямым отражением общих проблем, характерных для международного рабочего движения в тот период в целом. Подтверждением этого тезиса может служить Четвертый конгресс Коминтерна, состоявшийся в конце 1922 г. На нем так и не была сформулирована четкая стратегия взаимодействия между российскими большевиками и зарубежными коммунистами. Однако решения Четвертого конгресса предопределили дальнейшую эволюцию идеологии и практической деятельности Коминтерна. Политика единого рабочего фронта получила расширительное толкование. В то же время Коммунистический интернационал ощутя двигался к пониманию сущности такого политического феномена, как фашизм.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал, Коминтерн, Четвертый конгресс Коминтерна, Генуэзская конференция, Карл Радек, Коммунистическая партия Германии, КПП.

Для цитирования: Ватлин А.Ю. 1922 — лучший год Коминтерна. Советская Россия, немецкие коммунисты и Генуэзская конференция // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 52–87. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-52-87.

Alexander Yu. Vatlin

**1922 — THE BEST YEAR OF THE COMINTERN.
SOVIET RUSSIA, GERMAN COMMUNISTS
AND THE GENOA CONFERENCE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The signing of the Declaration on the formation of the Soviet Union on December 30, 1922 marked a new stage in the history of international relations, and, at the same time, took stock of intense domestic and international political struggle unfolding in the previous years. The developments within the Communist International were of particular importance for both the outcomes of this struggle and the future of international labor movement. The author stresses that for the Comintern the year of 1922 was dominated by a struggle between the two opposing ideological and political trends: the inertia of the 'storm and

onslaught' enthusiasm of the first post-revolutionary years and the rise of the ideas of peaceful coexistence. In this context, the paper assesses the role that the Bolshevik leaders envisaged for the Comintern during the preparation and conduct of the Genoa Conference and, particularly, for the policy of the united workers front. The author shows that the very idea of cooperation with socialists and social democrats received an extremely ambiguous reaction from representatives of Western communist parties. In this regard, the position of the German Communist Party (KPD) was of particular importance to the Bolshevik leaders. Indeed, the case of KPD was emblematic of those tendencies and contradictions that marked the development of the international communist movement in the period under review. The KPD leaders welcomed the Comintern's turn towards a united workers front. However, the author notes that this support was based on a highly unstable compromise between multiple contradicting domestic and foreign policy imperatives, including opposition from the left-wing radicals within the party and continuous conflict with the government of the Weimar Republic, exacerbated by ideological and financial dependence on Moscow. As a result, the KPD's actions were very often ad hoc and inconsistent, reflecting general issues typical to the international labor movement of that period. That became clear during the Fourth Congress of the Comintern, which took place at the end of 1922. It failed to outline a clear strategy for interaction between the Russian Bolsheviks and foreign communists. At the same time, the outcomes of the Fourth Congress were crucial for further evolution of the ideology and practical activities of the Comintern. The policy of the united workers front got a broader definition as the Communist International started to recognize the threat posed by fascism.

Keywords: Communist International, Comintern, Fourth Congress of the Comintern, Genoa Conference, Karl Radek, German Communist Party, KPD.

About the author: *Alexander Yu. Vatlin* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of Modern and Contemporary History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vatlin_alex@mail.ru).

For citation: Vatlin A.Yu. 2022. 1922 — the best year of the Comintern. Soviet Russia, German communists and the Genoa conference. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 52–87. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-52-87. (In Russ.)

Выбор календарного года в качестве хронологического отрезка для научной статьи кажется простым решением только на первый взгляд. Те или иные события, а тем более долговременные тенденции и процессы с трудом укладываются в жестко очерченные рамки,

автору приходится соизмерять собственные оценки с условиями и мотивами, которые легли в основу конкретных решений, в нашем случае — столетней давности.

Применительно к истории Коммунистического интернационала выделение 1922 г. в качестве объекта исследования представляется оправданным — если говорить не о календарном, а о политическом годе. В предшествовавшем, 1921 г. российским лидерам с немалым трудом удалось снять установку на «последний и решительный бой» с мировым капиталом, заменив ее курсом на построение массовых компартий, способных к повседневной борьбе на национальной политической сцене¹. Последовавший, 1923 г. во многом перечеркнул позитивные сдвиги, наметившиеся в международном коммунистическом движении после Третьего конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.): вслед за уходом В.И. Ленина в его ближайшем окружении началась острая борьба за лидерство, которая привела к авантюрным попыткам подтолкнуть зарубежных коммунистов к захвату власти в своих странах.

Для Коминтерна 1922 год соединял в себе инерцию настроений «бури и натиска» и политические новации, которые имели прямое отношение к дальнейшей истории Советской России и всей системы послевоенных международных отношений. Впервые международная организация коммунистов выступила в роли субъекта советской внешней политики, впервые после раскола социалистического движения в 1914 г. был поставлен вопрос о политическом сотрудничестве трех рабочих Интернационалов.

Идейное кредо зарубежных компартий повторяло установки российских большевиков: пока буржуазный мир не потерпел крах, следует искать с ним *modus vivendi*. Делая всё для ослабления и подрыва Версальской системы в целом, Коминтерн внимательно следил за тем, чтобы ее осколки не нанесли ущерба интересам Советской России. Ключевым звеном в этом параллелограмме сил оказывалась Германия, общественный климат которой разрывался между настроениями реванша и примирения. В этой связи в Москве с особым вниманием опекали немецкую компартию, видя в ней не только продолжателя традиций революционного марксизма, но и фактор,

¹ Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. М., 1975.

обеспечивавший безопасность советской страны, а в перспективе — и победу мировой пролетарской революции.

В современной историографии Коминтерна, весьма скудной по сравнению с периодом холодной войны, сохраняется инерция противостояния двух точек зрения на начальный этап истории коммунистического движения: он рассматривается либо как проекция международной политики большевиков, либо как автономный политический проект, вынужденно (и не сразу) попавший в орбиту влияния последних. Излишне говорить о том, что каждый из этих подходов нес на себе отпечаток конфликта двух мировых систем. В отличие от представителей указанных точек зрения, коминтерноведы нового поколения пытаются их синтезировать, избавив от презентизма ушедшей эпохи. Коминтерн, взятый в качестве предмета изучения, перестает быть «вещью в себе», его история вписывается как в идейный климат послевоенного периода, так и в процесс становления новой системы международных отношений после завершения Первой мировой войны².

Современники, стоявшие у истоков создания Коммунистической партии Германии (КПГ), писали о том, что 1922 г. был самым спокойным во внутрипартийной истории [Retzlaw, 1976: 215]. Таким же был этот год и в нэповской России, стабильность политической системы которой держалась на непререкаемости ленинского авторитета, а экономическое возрождение позволило рабочим и крестьянам увидеть реальные плоды большевистской революции. Страна пыталась найти свое место в послевоенной системе международных отношений, сделав ставку на сотрудничество «париев Версаля».

Эстафета от 1921 года

Фундамент политических событий 1922 г. был заложен его предшественником. Не прошло и трех лет с момента основания Коминтерна, как лидерам российского большевизма пришлось признать неприятные реалии послевоенной эпохи: революционная волна откатилась назад, попытки левых радикалов взять власть в свои руки в Германии, Австрии и Венгрии обернулись жестким ответом правящих кругов и большими жертвами. «Война не завершилась

² Наглядным отражением указанного синтеза стали две представительные международные конференции, прошедшие в Москве в год 100-летия Коминтерна [Время Коминтерна, 2020; Левая альтернатива в XX веке, 2020]. История коминтерновцев в социокультурном аспекте представлена в книге [Studer, 2015].

непосредственно пролетарской революцией», — говорилось в резолюции о мировом положении, принятой на Третьем конгрессе Коминтерна. Новая тактика, вызревавшая на протяжении 1921 г. и получившая название «политика единого рабочего фронта», в большей степени соответствовала как внешнеполитическим задачам Советской России, так и нуждам рабочего класса [см. подробнее: Ватлин, 1990]. Она подразумевала налаживание сотрудничества с социал-демократическими партиями европейских стран, которые еще недавно шельмовались как «социал-предатели». Эта тактика, однако, встретила серьезное сопротивление ряда лидеров зарубежных компартий, которые продолжали рассчитывать на «короткую перспективу», т.е. на собственный приход к власти в ближайшем будущем.

В историографии СССР и ГДР переход к политике единого рабочего фронта подавался как стратегический поворот, придавший международному коммунистическому движению мощный импульс, избавивший его от «левацкой шелухи»³. При этом его связь с общеевропейским и внутрироссийским контекстом, который будет рассмотрен в настоящей статье, попросту игнорировалась, заменяясь стереотипными фразами о «прозорливости» В.И. Ленина и его соратников (как правило, не называвшихся, ибо превратившихся в «фигуры умолчания») и их верности принципам пролетарского интернационализма. Западные авторы в эпоху холодной войны, напротив, подчеркивали прагматический характер поворота 1921 г., видели в нем исключительно внешнеполитический маневр, связанный с возвращением Советской России в послевоенную систему международных отношений [Gruber, 1974]⁴.

Курс на политическое сотрудничество различных отрядов рабочего класса стал лейтмотивом деятельности Венского интернационала, который был создан в начале 1921 г. и объединил левые социалистические партии, оказавшиеся между Лондоном и Москвой. Венцы выдвинули ряд конкретных инициатив, пытаясь усадить за

³ Официальный взгляд на разработку политики единого рабочего фронта изложен в книгах [Коммунистический Интернационал, 1969; Reisberg, 1971]. Начало процессу переосмысления стереотипов советской эпохи было положено статьей Ф.И. Фирсова «К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг.» [Фирсов, 1987].

⁴ Современный уровень осмысления тактики единого рабочего фронта представлен в обзорной работе [Макдермотт, Агню, 2000: 43–56].

стол переговоров коммунистов, социалистов и социал-демократов⁵. Само понятие единого рабочего фронта появилось в документах левых социалистических партий значительно раньше. Так, в письме Правления НСДПГ Исполкому Коминтерна от 6 июня 1920 г. шла речь об объединении «усилий по сплочению всех сил пролетариата, созданию единого пролетарского фронта»⁶.

Решение Политбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1921 г., запустившее процесс перехода к новой тактике в Коминтерне, осторожно говорило о возможности «совместных действий с рабочими II Интернационала»⁷. Реализуя эту инициативу, Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) приступил к рассмотрению вопроса о едином рабочем фронте 4 декабря. Суть новой тактики просматривалась во втором пункте решения Политбюро: Н.И. Бухарину поручалось подготовить статью об опыте взаимоотношений большевиков с меньшевиками. Следовательно, речь шла о возможности временных блоков с европейскими социал-демократическими партиями, которых советская пресса называла «меньшевистскими». Просмотрев 6 декабря набросок тезисов о едином рабочем фронте, В.И. Ленин попросил Г.Е. Зиновьева подчеркнуть, что в предреволюционной России расколы с меньшевиками сменялись временными объединениями «не только в силу перипетий борьбы, но и под давлением низов, требовавших проверочных испытаний собственным опытом»⁸.

Однако одних только указаний на успешный опыт РСДРП(б) было недостаточно для того, чтобы убедить зарубежных коммунистов в необходимости столь резкого поворота. 4 декабря 1921 г. представитель КПГ Г. Брандлер поставил вопрос ребром: «...наши товарищи понимают все буквально, они скажут, а зачем тогда вообще раскол, зачем фракции в профсоюзах». Утверждение, что единый рабочий фронт выгоден только русским, а не зарубежным коммунистам,

⁵ 20 октября 1921 г. по инициативе Лейбористской партии состоялась рабочая встреча представителей Лондонского и Венского интернационалов, в повестке дня которой стоял поиск путей преодоления раскола и налаживания политического сотрудничества. См.: РГАСПИ. Ф. 480. Оп. 2. Д. 15. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 95.

⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 104–105.

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений [далее — ПСС]: В 55 т. Т. 44. М., 1970. С. 273.

поскольку помогает интеграции России в послевоенную систему международных отношений, стало главным аргументом его противников.

Российским представителям в Коминтерне пришлось успокаивать собравшихся. Н.И. Бухарин подчеркнул, что лозунг единого рабочего фронта — не постоянная величина, а временное стечение обстоятельств, которое может измениться уже на следующий день⁹. С таким подходом спорил Л.Д. Троцкий на XI конференции РКП(б), выступив против «фаталистических представлений о революционной эпохе как последнем кризисе буржуазного общества, который будет непрерывно углубляться до диктатуры пролетариата», и признав долговременный характер курса на единый рабочий фронт¹⁰.

Среди аргументов, которые предлагались зарубежным коммунистам в обоснование новой тактики, важное место занимало обещание лидеров РКП(б) отойти от жесткой иерархии в руководстве компартиями, которая прикрывалась принципами интернационализма: «Мы должны считаться с отдельными странами. Мы должны предоставить партиям свободу приравнивать свое поведение к общему положению. Мы должны, однако, иметь в виду, что мы должны действовать не в немецком или итальянском, а в международном масштабе»¹¹.

И, наконец, во втором туре дискуссий, состоявшемся в ИККИ 18 декабря 1921 г., Г.Е. Зиновьев прямо говорил о том, что новую тактику придется принять, так как она помогает преодолеть изоляцию Советской России на международной арене¹². Это не было пустым звуком: в уходящем году страна сделала решительные шаги к тому, чтобы преодолеть международную изоляцию. Новая экономическая политика, легализовавшая экономическую многоукладность, породила как на Западе, так и в самой России надежды на возвращение страны на буржуазно-демократические рельсы. Австрийский социалист О. Бауэр (и не только он) видел в НЭПе победу «крестьянской революции» и полагал, что ее итогом в политической сфере рано или поздно станет парламентская демократия [см.: Schoeler, 1987:

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 43. Л. 90, 98. См. также: Деятельность ИККИ и Президиума ИККИ от 13 июля 1921 г. до 1 февраля 1922 г. М.; Петроград, 1922. С. 347.

¹⁰ XI конференция РКП(б). 1921 г. Бюллетень № 5. С. 26. Конференция состоялась в Москве 19–22 декабря 1921 г.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 43. Л. 91.

¹² Там же. Д. 48. Л. 4–5.

22–23]. Без России, взявшей курс на «нормальность», трудно было представить себе послевоенное возрождение Европы.

В первые дни нового, 1922 г. на Каннской конференции Верховного совета Антанты Д. Ллойд Джордж выдвинул идею проведения в Генуе экономической и финансовой конференции всех европейских государств. Советское правительство позитивно отреагировало на это предложение. В.И. Ленин на протяжении января несколько раз обращался к планам участия в такой конференции, лично разработав директивы для подготовки к ней советской делегации. Речь шла о том, чтобы не ударить лицом в грязь перед маститыми зарубежными экспертами. В инструкции особо подчеркивалось, что «все члены делегации должны знать превосходно книгу Кейнса (“Экономические последствия мира”) и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги» и в то же время могли дать «краткое, но ясное изложение всей совокупности коммунистических взглядов (по вопросам международных отношений и экономики)»¹³.

В Москве надеялись, что под давлением масс европейские социалисты выступят в поддержку советской позиции в ходе будущей международной конференции и таким образом Россия обретет на ней незримого, но мощного союзника. «Мы считаем, что следует попытаться провести конференцию [трех рабочих Интернационалов] параллельно с конференцией в Генуе и обсудить на ней не только экономические, но и политические вопросы: ликвидацию Версальского мира, подавление России, мировую ситуацию и, как я сказал, рассматривать их параллельно с конференцией в Генуе, чтобы мы могли противопоставить *tete-à-tete* в любом решающем вопросе социал-патриотов и представителей правительства»¹⁴.

Такой подход, озвученный Г.Е. Зиновьевым на заседании ИККИ 24 января 1922 г., транслировал и уточнял ленинскую позицию: последний рассматривал наступательную полемику на будущей конференции лишь как крайнее средство, которое следует применить в ответ на аналогичные действия оппонентов, хотя и предлагал послать на нее «наиболее зубастых людей»¹⁵. Это обстоятельство обусловило лидерство К. Радека в подготовке встречи трех Интернационалов.

¹³ Проект директив был разослан членам Политбюро 1 февраля 1922 г. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 374.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

¹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 377–378.

В свою очередь европейские социалисты полагали, что встреча в Генуе приведет к включению Советской России в международный экономический механизм, а это станет основой демократизации ее внутривластного режима и, следовательно, сгладит остроту конфликта в международном рабочем движении. Они следующим образом формулировали влияние НЭПа на изменение политической линии большевиков: «Советская власть заключила мир со своей буржуазией, теперь она должна заключить мир со своими друзьями — социалистами II и II 1/2 Интернационалов»¹⁶. Это было заметно даже непосвященным. Писатель В.Г. Короленко отмечал осенью 1920 г. в письме к А.В. Луначарскому: «Рабочая масса начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в огромном большинстве западноевропейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, т.е. социализм, но не максималистского типа»¹⁷.

Для руководителей РКП(б) и Коминтерна не было секретом, что основным препятствием для установления единого рабочего фронта станет внутренняя политика большевистского государства, прежде всего репрессии против социалистических партий — меньшевиков и эсеров. Загнанные в подполье, они еще существовали в Советской России, и их поддержка рассматривалась зарубежными социалистами как проявление солидарности с соратниками по борьбе. Лидеры социал-демократических партий Европы задавали резонный вопрос: что произойдет с единым рабочим фронтом после прихода пролетариата к власти в их собственных странах; не объявят ли коммунисты своих вчерашних союзников контрреволюционной силой?

К. Радек, игравший роль главного эксперта по зарубежному рабочему движению, прекрасно понимал значение этого вопроса. Именно его в январе 1922 г. большевистское руководство направило в Германию для подготовки встречи трех Интернационалов. Уже из Берлина он излагал членам Политбюро ЦК РКП(б) свое видение главных препятствий на пути к успеху новой тактики: «Я убежден, что, как бы мы ни выворачивались, если мы хотим иметь во время генуэзской схватки поддержку лейбористов и Амстердама»¹⁸, хотя бы в форме демонстрации, то нам за это придется заплатить: дать

¹⁶ XI конференция РКП(б). 1921 г. Бюллетень № 5. С. 20.

¹⁷ Новый мир. 1988. № 10. С. 211.

¹⁸ Т.е. Амстердамского интернационала профсоюзов, близкого по своим идейным позициям к социал-демократическому движению.

известную свободу меньшевикам <...>. Какие бы громы ни метал на меня Владимир Ильич, я считаю, что надо сделать уступки, не ожидая нападения на конференции»¹⁹.

В отличие от В.И. Ленина, для которого краеугольным камнем были интересы безопасности политического режима Советской России, К. Радек продолжал мыслить категориями глобального противостояния пролетариата и капитала: «...буржуазная конференция в Генуе является новым Версалем, и ей надо противопоставить тот минимум, на который согласны все рабочие элементы Европы»²⁰. Решающую роль в подготовке альтернативной конференции должны были сыграть их представители в Германии, которая по-прежнему считалась образцовой страной социалистического рабочего движения. Положение в его немецком сегменте было отражением европейского раскола: коммунистам (КПП) противостояли входившие в правительство социал-демократы (СДПГ), между ними находилась партия левых социалистов (НСДПГ).

Единый рабочий фронт в Германии

Для КПП — крупнейшей из зарубежных компартий — 1922 год первоначально выглядел как простое продолжение предыдущего. Еще летом 1921 г. лидеры Коминтерна и германских коммунистов договорились о «курсе концентрации», который подразумевал сотрудничество двух фракций в партийном руководстве: бывших членов Союза Спартака, сохранивших верность традициям довоенного социалистического движения, и левых радикалов, пришедших в партию в ходе революции 1918–1919 гг. Для последних успешный опыт большевиков был непререкаемым канон, который они любыми путями хотели перенести в Веймарскую Германию.

Вопреки «курсу концентрации», взятому на Третьем конгрессе, партию будоражили продолжавшиеся репрессии против сторонников ее бывшего председателя П. Леви. После убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург именно он удержал КПП от скатывания к левому сектантству, отстаивал ее право на выработку самостоятельного политического курса при признании идейной и организационной гегемонии Коминтерна. П. Леви еще в начале 1921 г. обратился к

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 228. Л. 4.

²⁰ Письмо Радека в Президиум ИККИ от 31 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 2.

лидерам СДПГ, НСДПГ и профсоюзов с призывом к налаживанию сотрудничества, чем навлек на себя гнев Г.Е. Зиновьева, но был безоговорочно поддержан В.И. Лениным.

Вынужденная отставка П. Леви весной того же года и уход его соратников под давлением слева дорого обошлись немецкой компартии: фракция «левитов» в рейхстаге в конце 1921 г. составляла 15 человек, в то время как во фракции КПП осталось всего 11 парламентариев [Winkler, 1984:524]. Отправившемуся в Берлин К. Радеку пришлось признать, что «мы потеряем несколько тысяч человек, и это не последний кризис, основа кризиса — подавленное настроение, убеждение, что революция кончилась». В его докладе подчеркивалось, что у партии нет кадрового резерва, от нее отворачивается молодежь, «в рабочих массах настроение гнилое»²¹. Тем не менее Правление КПП дисциплинированно приветствовало коминтерновский поворот к единому рабочему фронту, а партийная газета «Die Rote Fahne» в Сочельник опубликовала предложение о созыве совместной конференции трех рабочих Интернационалов.

1922 год принес первые практические успехи нового курса в Германии. Продолжались совместные акции социалистов и коммунистов в поддержку голодовки политзаключенных в немецких тюрьмах. В начале февраля в Берлине прошла забастовка железнодорожников, к которым присоединились рабочие остальных коммунальных предприятий. В условиях обострившейся инфляции стачечники требовали приведения зарплаты рабочих в соответствие с уровнем цен. В стачком вошли профсоюзные функционеры всех социалистических партий, по их данным, в забастовке участвовали до 800 тыс. рабочих. Коминтерн признал ее частичной победой, ибо «она доказала, что в массе рабочих пробудились нетерпение и чувство спонтанной солидарности»²².

Для посвященных в дела КПП не было большим секретом, что тормозом для развертывания политической инициативы партии была ее идейная и финансовая зависимость от Москвы. Е.Д. Стасова, прибывшая в Берлин по поручению В.И. Ленина для наведения порядка и налаживания подпольной работы КПП по примеру большевиков, в своем первом отчете сообщала вождю, что «сейчас некоторое

²¹ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву о положении в германской компартии 20 января 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. М.: Наука, 1998. С. 328.

²² Письмо Радека в Президиум ИККИ от 31 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 3.

время извне не получалось денег, и весь партийный аппарат готов остановиться <...>. Некоторые товарищи прямо и открыто говорят, что как только у партии не будет субсидий от Коминтерна, то она распадется, ибо все теперь работают, рассчитывая на жалованье»²³. Внешний контроль московских инстанций за отдельными секциями, практиковавшийся в годы их становления и нередко принимавший гротескные формы, из детской хвори коммунистического движения превратился в хроническую болезнь, от которой оно не избавилось на протяжении всей своей дальнейшей истории.

Об этом свидетельствовали результаты инспекционной поездки по Италии, Франции и Германии, которую в январе 1922 г. совершил представитель Коммунистической партии Польши при ИККИ Г. Валецкий. В своем отчете он писал о том, что руководители компартий этих стран еще не готовы принять тактику единого рабочего фронта как нечто естественное и проводят ее «из чистой дисциплины перед Коммунистическим Интернационалом»²⁴. Для того чтобы подчеркнуть вовлеченность Коминтерна в европейские дела, К. Радек предложил провести не в Москве, а в Берлине Первый расширенный пленум Исполкома Коминтерна, посвященный обсуждению тактики единого рабочего фронта: «...было бы неслыханно полезно, чтобы нас рабочие видели в Западной Европе, а также чтобы Вы видели наших людей не в московской обстановке»²⁵. Идея рабочих встреч лидеров компартий, избавленных от помпезности и размаха конгрессов, давно витала в воздухе. Руководство КПГ, претендовавшей на звание образцовой секции Коминтерна, решило воспользоваться этим шансом, чтобы добиться перезагрузки отношений между Исполкомом и отдельными партиями.

19 февраля 1922 г. в ЦК РКП(б) «для предварительного обсуждения» было направлено письмо немецкой делегации, прибывшей на Первый пленум ИККИ. В нем говорилось о необходимости реорганизации Коминтерна и Профинтерна, а также серьезного изменения методов их работы²⁶. Немецкая партия выдерживала сложившуюся

²³ Письмо Е. Стасовой В. Ленину о ситуации в ЦК КПГ. 22 июня 1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 294.

²⁴ Письмо Валецкого Зиновьеву от 7 февраля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 103. Л. 2–3.

²⁵ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву о положении в германской компартии 20 января 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 328, 330.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 293. Д. 25. Л. 5–6.

стилистику обращения к вышестоящим инстанциям, признав первым делом свою вину в том, что при председательстве П. Леви в ней имела «скрытая враждебность по отношению к Москве». В то же время, отмечалось в письме, не является секретом и то обстоятельство, что все кардинальные вопросы в Коминтерне решаются «русскими товарищами» без привлечения иностранных коммунистов. Делегация КПП предлагала отказаться от «системы личного влияния на партии путем отправки частных писем», которую практиковал Г.Е. Зиновьев, и положить конец рассылке по всему миру эмиссаров с чрезвычайными полномочиями.

Принятие подобных предложений означало бы серьезное сокращение, изменение структуры и образа действий коминтерновского аппарата, а их обсуждение на пленуме ИККИ могло по-новому оформить иерархию отношений между ним и партийными лидерами. Это таило в себе угрозу «дворцового переворота», и Г.Е. Зиновьев сделал всё, чтобы погасить данную инициативу. Он добился того, что Политбюро отказалось от рассмотрения письма КПП по существу, поручив ему, К. Радеку и Л.Б. Каменеву переговорить с членами немецкой делегации в частном порядке²⁷. Остальное было делом бюрократической техники — вопрос тихо похоронили в аппарате ЦК РКП(б)²⁸.

Председатель ИККИ отдавал себе отчет в том, что за внешним послушанием зарубежных делегатов кроется глухое недовольство методами его руководства. После первых дней работы пленума он запросил помощи у В.И. Ленина: «Мне кажется совершенно необходимым доверительно, в узком закрытом собрании (человек 8–10) объяснить находящимся здесь вожакам <...> компартий основное в тактике нашей делегации в Генуе. В особенности “пацифистскую” часть нашей тактики. Иначе в решающий момент выйдет столпотворение Вавилонское и недовольство громадное. Вред будет очень большой»²⁹. Под пацифизмом Г.Е. Зиновьев понимал готовность советского правительства к компромиссам, в частности к выплате

²⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 114.

²⁸ После нескольких напоминаний технический секретарь ЦК сообщил Брандлеру, что письмо «направлено Зиновьеву для личных с Вами объяснений». Данных о состоявшейся встрече в переписке немецкой делегации нет. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 3. Л. 4.

²⁹ Письмо Г. Зиновьева В. Ленину о тактике. 25 февраля 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 351–352.

царских долгов, что вызывало непонимание иностранных коммунистов, продолжавших свято верить в то, что Россия под руководством большевиков была и останется костью в горле Версальской системы международных отношений. Налицо был серьезный кризис во взаимоотношениях Москвы и отдельных партий, которые согласно Уставу Коминтерна считались его «национальными секциями». Поскольку Первый пленум ИККИ так и не был проведен в Берлине, туда пришлось отправиться К. Радеку, чтобы погасить растущее недовольство лидеров КПП. Без активного содействия германской партии невозможно было ни подготовить встречу трех Интернационалов, ни организовать массовые акции в защиту советской позиции на предстоявшей Генуэзской конференции.

Берлинская миссия Карла Радека

Подготовка к этому событию, однако, была далеко не единственной миссией коминтерновского эмиссара. Почти весь 1922 г. К. Радек, облеченный полномочиями наладить политические и экономические отношения между двумя странами, провел в Германии. После успешного продвижения тактики единого рабочего фронта он находился в зените своего влияния и, как это часто бывало в его биографии, пытался найти себя в новых сферах деятельности. Вместе со своими бывшими коллегами по Народному комиссариату иностранных дел К. Радек сформулировал линию советской внешней политики на готовившейся конференции в Генуе³⁰. Речь шла прежде всего об использовании «немецкой карты». Он предлагал продолжить лавирование между двумя империалистическими группировками: «...наша задача состоит в том, чтобы добиться реальных экономических уступок [от немцев] или знать, что этой картой не располагаешь, что надо договариваться с союзниками, ибо, не имея никакой экономической помощи со стороны Германии, мы куражиться не можем»³¹.

В отличие от предыдущих визитов в Германию, К. Радек выступал в роли уже не члена тайной организации революционеров, а представителя великой державы, пытавшейся вернуть себе законное место в европейском концерте. Его хорошо знали на Западе, он часто становился послом по особым поручениям, формально не имевшим отношения к

³⁰ О ходе Генуэзской конференции см. подробнее: [Быстрова, 2020].

³¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 228. Л. 3.

внешнеполитическому аппарату Советской России. Это развязывало ему руки, а еще больше — язык. Впрочем, и высокопоставленные дипломаты, и лидеры социалистических партий успели привыкнуть к *enfant terrible* с всклокоченной шевелюрой и неизменной трубкой во рту.

Его карикатурный образ с трудом вписывался в масштаб переговоров, однако он принимал в них самое активное участие. Так, благодаря его посредничеству удалось согласовать кандидатуры послов двух стран после восстановления советско-германских дипломатических отношений. К. Радек лоббировал и приветствовал назначение на пост главы восточного отдела германского МИД А. Мальцана, с которым был в хороших отношениях³². Весной 1922 г. советский эмиссар стоял у истоков военного сотрудничества двух стран, в рамках которого в РСФСР появились авиазаводы и военные полигоны для тайного перевооружения рейхсвера [см.: Горлов, 2001]. Неоспорим вклад К. Радека в подготовку и заключение Рапалльского договора 16 апреля 1922 г., хотя он и не был приглашен на Генуэзскую конференцию. Накануне и в ходе ее работы впервые в советской истории произошло сближение внешнеполитической и коминтерновской линий, которые до того находились в состоянии пульсировавшего конфликта [см.: Шишкин, 2002].

К тому моменту, когда советские и немецкие дипломаты в Рапалло провели свой знаменитый «разговор в пижамах», завершившийся подписанием соглашения, в Берлине уже состоялась рабочая встреча представителей трех Интернационалов. Делегацию Коминтерна возглавляли Н.И. Бухарин и К. Радек, в нее вошли также К. Цеткин, поляк А. Варский и француз Л. Фроссар. Встреча, открывшаяся 2 апреля 1922 г. в здании рейхстага, больше походила на переговоры о перемирии трех враждебных держав, нежели на дружескую беседу вчерашних единомышленников [Ватлин, 1993]. Социал-демократическая пресса еще до завершения переговоров предсказывала их неизбежный провал, акцентируя внимание на «невозможности разумного сотрудничества с москвитями. Речи Клары Цеткин и Радека были не чем иным, как большевистской пропагандой, предназначенной для использования коммунистической прессой». Россия также представлялась читателям как «страна кнута и виселицы. У нас в западноевропейских демократиях политику ведут иными средствами»³³.

³² Радек К. Германо-российские отношения // Правда. 11.11.1921.

³³ Volksstimme (Halle). 03.04.1922; Das Volk (Erfurt). 05.04.1922.

То, что после трех дней непрерывных пикировок стороны всё же достигли компромисса, согласившись начать подготовку всемирного рабочего конгресса и провести до завершения Генуэзской конференции совместные демонстрации под антиимпериалистическими лозунгами, выглядело как настоящее чудо. «Представители II Интернационала сняли требование отказа от создания партийных ячеек в профсоюзах, но настояли на исключении из списка политических лозунгов призыва к борьбе против Версальского мира»³⁴. Свою часть пути к компромиссу прошли и посланцы Коминтерна, согласившись на то, чтобы в судебном процессе по делу эсеров участвовали защитники из числа зарубежных социалистов.

Левые социалистические газеты после завершения встречи вышли с броскими заголовками: «Налажен мост братского примирения», «Результат превзошел самые смелые ожидания», «Открыт путь для совместной борьбы»³⁵. В Москве не разделяли подобных восторгов. В.И. Ленин со страниц «Правды» обрушился с критикой на представителей Коминтерна, которые «заплатили слишком дорого» за призрачную перспективу поддержки советской позиции в Генуе³⁶. К. Радек даже не поверил, что это «фактический взгляд Владимира Ильича», а не дипломатическая игра, и продолжал настаивать на своем: «...мы были принципиально правы, не допуская срыва конференции на русских делах, но и что мы никакой высокой цены не уплатили»³⁷. Общая оценка перспектив Генуэзской конференции, данная в письме, выглядела весьма пессимистично: «Положение в Генуе такое, что по всей видимости результатов полезных для нас она пока что не даст. Максимальные требования союзников так велики, что вряд ли выйдет компромисс»³⁸.

Подписание на следующий день Рапалльского договора между Россией и Германией создало принципиально новую ситуацию на конференции. «Парии Версальской системы» лишили смысла тактику держав Антанты, построенную на принципе «разделяй и

³⁴ Международная социалистическая конференция (объединенное заседание Исполкомов трех Интернационалов). Стенографический отчет. М., 1922. С. 60–61.

³⁵ Volkszeitung. Organ der USPD für Halle und Bezirk Merseburg. 07.04.1922; Dresdner Volkszeitung. 07.04.1922.

³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 140.

³⁷ Письмо Радека членам Политбюро ЦК РКП(б) от 15 апреля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 93.

³⁸ Там же.

властуй». Однако в КПГ Рапалло не стал поводом для восторженных откликов. Его фактически замолчала партийная пресса, так как сначала само соглашение, а потом и его практическая реализация плохо вписывались в генеральную линию борьбы с собственным государством как проводником интересов буржуазии.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, регулярно конфликтовавший с коминтерновским ведомством, сохранил деловой контакт с К. Радеком, который в 1918 г. работал под его началом. Через несколько дней после подписания Рапалльского договора Г.В. Чичерин сообщал в Берлин подробности его подготовки и ожидаемые последствия. Вслед за Германией стремление к сепаратному соглашению с Россией проявила Италия, а французская делегация, наоборот, рассорилась с Д. Ллойд Джорджем, который пытался играть на конференции роль честного маклера. В заключение, признавая недостаточность дипломатических усилий, нарком ставил перед шефом коминтерновской пропаганды конкретную задачу: «Уже теперь необходимо всеми доступными путями, не от нашей делегации, а помимо нас, подчеркивать, что примирению мешают те акулы, которые требуют возвращения своей частной собственности или полной уплаты за нее. Момент безусловно настал для широкой агитации на эту тему»³⁹.

Просьба Г.В. Чичерина свидетельствует о том, что тезис о стратегическом противостоянии двух ведомств явно упрощает гамму взаимоотношений между ними. Как раз применительно к 1922 г. можно говорить о явном сближении коминтерновских и внешнеполитических целей большевистского руководства. Итогом такого сближения стал ряд договоров и инициатив, которые открывали перспективу пусть даже временного «примирения» как Советской России с державами Антанты, так и зарубежных коммунистов с социал-демократами в своих странах.

Новый виток конфронтации

В отчете делегации Коминтерна по итогам берлинской встречи отмечалось, что главными противниками коммунистов на ней были лейбористы и немецкие социал-демократы. «Опасность совместных действий с КПГ становится для вождей социал-демократии тем

³⁹ Письмо Чичерина Радеку от 23 апреля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 98.

больше, чем больше становится влияние КПП и чем хуже — положение рабочего класса»⁴⁰. Под предлогом того, что в России не была развернута агитация за скорейший созыв всемирного рабочего конгресса, СДПГ саботировала совместную демонстрацию трех рабочих партий, запланированную на 20 апреля 1922 г. в Берлине.

В свою очередь коминтерновские функционеры испытывали растущую тревогу по поводу того, что коммунисты Германии в который раз вышли из-под их оперативного контроля, отказавшись развернуть кампанию солидарности с Советской Россией. Сразу после завершения берлинской встречи Секретариат ИККИ высказывал свое возмущение тем, что газета «Die Rote Fahne» уделяла мало внимания готовившемуся процессу над эсерами и не разоблачала «ложь реформистской прессы»⁴¹. Свои претензии к немецким коммунистам предъявлял и Г.В. Чичерин, требовавший, чтобы те приглушили кампанию дискредитации правительства Й. Вирта, так как «мы сильнейшим образом нуждаемся в сохранении Рапальского договора»⁴².

И всё же позитивный импульс, заданный встречами трех Интернационалов, проявился именно в Германии. Пусть с серьезными оговорками, но был дан зеленый свет образованию социал-демократических кабинетов при парламентской поддержке коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Брауншвейге [Reisberg, 1971: 457–470]. Оставшийся в Берлине К. Радек прилагал максимум усилий для того, чтобы как можно скорее обеспечить созыв «девятки» — консультативной группы, в которую делегировались по три представителя от каждого из Интернационалов. В.И. Ленин, смягчивший свой тон в отношении уступок, сделанных К. Радеком и Н.И. Бухариным на берлинской встрече, позволил им остаться в Германии для скорейшего созыва всемирного рабочего конгресса, чтобы усилить позиции советских дипломатов в Генуе⁴³. Социалистические контрагенты Коминтерна, напротив, не спешили, предпочитая уклоняться от конфликта со своими правительствами до выяснения итогов Генуэзской конференции.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 86. Л. 58.

⁴¹ Там же. Д. 122, Л. 9–10.

⁴² Письмо Чичерина Л.М. Карахану от 7 мая 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1966. Л. 21.

⁴³ См.: Записки Ленина в Политбюро ЦК РКП(б) от 9 и 10 апреля 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 145–146.

10 мая 1922 г. К. Радек сообщал в Москву, что социал-демократы «девятку созовут, но будут тянуть со съездом до результатов процесса [над эсерами]. Съезда они не хотят, но боятся отклонить, ибо идея становится с каждым днем все более популярной среди рабочих. Поэтому будут ждать, что им процесс даст возможность отклонить. Главная задача теперь: тут организовать нажим в массах. Это будет туго, ибо организационные способности наших людей минимальны»⁴⁴. Под «нашими людьми» К. Радек подразумевал функционеров КПП, фактически находившихся на жалованье из бюджета Советской России. Они весьма осторожно относились к сотрудничеству с социалистами, которое имело пусть минимальный, но шанс завершиться воссоединением рабочих партий, ведь тогда добрая половина партийных бюрократов осталась бы без работы.

После безрезультатного для России завершения Генуэзской конференции советские лидеры потеряли интерес к единому рабочему фронту как инструменту давления на правительства западных держав. Майский Пленум ЦК РКП(б) потребовал поставить вопрос о созыве всемирного рабочего конгресса в «девятке» ультимативно. На следующий день это решение продублировал Президиум ИККИ. Однако, ужесточая свою позицию, большевики всё же оставляли открытой дверь для дальнейших переговоров. Важной уступкой социал-демократам было предложение, озвученное И.В. Сталиным от имени партийного руководства: снять выдвижение лозунга защиты Советской России как условие международного рабочего единства, «чтобы не давать Второму Интернационалу какой-либо возможности маскировать действительное положение вещей в целях саботажа единого пролетарского фронта»⁴⁵.

Единственная встреча «девятки» состоялась 23 мая 1922 г. К. Радек обнародовал коминтерновский ультиматум, после чего повестка дня оказалась исчерпанной. Ему не оставалось ничего иного, как просить у В.И. Ленина разрешения вернуться в Москву, где он собирался «написать роман о берлинских событиях»⁴⁶. Однако ему предложили и далее оставаться в Берлине, соединяя в одном лице функции советского дипломата и коминтерновского функционера. Звездный час К. Радека растянулся на весь 1922 год, на протяжении

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 553. Л. 11.

⁴⁵ Письмо ЦК РКП(б) в Исполком Коминтерна о тактике единого фронта // Правда. 19.05.1923. № 110.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 715. Л. 78.

которого он демонстрировал недюжинную работоспособность, справляясь с растущим потоком поручений, по большей части бюрократического характера. В конце концов после просьбы отправиться в Норвегию и выступить на съезде местной компартии он не без кокетства заявил: «...мне уж так надоела заграница, что если меня принудите туда ехать, то решусь родить ребенка, дабы отказаться от поездки»⁴⁷.

В Москве летом 1922 г. происходили события, значение которых до сих пор недооценено. Там набирал обороты суд над членами ЦК партии правых эсеров, предварявший в своей логике показательные процессы сталинской эпохи [Морозов, 2005]. Он стал вторым (после Рапалльского договора) неприятным сюрпризом для немецких коммунистов, которым всё труднее было отстаивать светлый образ «родины всех трудящихся» перед своими единомышленниками. Для того чтобы сгладить негативное эхо, которое вызвал в европейских странах этот процесс, 30 июля 1922 г. К. Цеткин и Г. Брандлер написали письмо в ЦК РКП(б), попросив не приводить в исполнение смертные приговоры. В сложившихся условиях «это было бы политически неумно», утверждали они, и посоветовали своим «русским товарищам» оставить приговоренных в живых, используя их в роли заложников⁴⁸.

Голос авторитетных немецких коммунистов был услышан: на завершившемся 7 августа судебном процессе 12 человек были приговорены к смертной казни, однако приведение приговора в исполнение отложили на неопределенный срок, увязав его с отказом оставшихся на свободе эсеров от политического террора. Неделью спустя Г.В. Чичерин сообщал И.В. Сталину из Берлина, что суд и приговор крайне навредили внешнеполитическому имиджу Советской России. В европейских странах и США «мы наблюдаем перемещение настроений: капиталистические круги склоняются к сближению с нами, в то время как враждебная агитация умеренных социалистов и рабочих лидеров по поводу эсеров, духовенства и Грузии и вообще по поводу наших деспотических приемов распространяет охлаждение в тех слоях, которые нас поддерживали в период интервенции»⁴⁹.

⁴⁷ Там же. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Оп. 292. Д. 3. Л. 38–40.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 22. Л. 47. Г.В. Чичерин имел в виду репрессии и изъятие предметов культа у священников, а также «советизацию» независимой Грузии при помощи Красной армии весной 1921 г.

Очевидно, что этот процесс в полной мере касался и имиджа западных компартий, которые в общественном мнении своих стран всё больше выступали в роли покорной «руки Москвы». Советскому руководству приходилось выбирать из двух зол меньшее, и выбор был сделан в пользу отстаивания государственного суверенитета, что наиболее наглядно показала ленинская критика итогов берлинской встречи трех Интернационалов.

Четвертый конгресс Коминтерна

Резкое обострение внутривнутриполитической ситуации в Германии предоставило коммунистам новый шанс опробовать тактику единого рабочего фронта. 24 июня 1922 г. правыми радикалами был убит В. Ратенау, министр иностранных дел, подписавший в апреле Рапальское соглашение между Германией и Советской Россией⁵⁰. Рабочие партии и профсоюзные центры смогли договориться о проведении общих демонстраций и политических стачек в защиту Веймарской республики. В Берлине в день похорон В. Ратенау не работало ни одно предприятие, в уличных выступлениях, по разным оценкам, приняли участие от 600 до 800 тыс. человек.

Однако вскоре КПП вышла из «пакта о ненападении» рабочих партий, заключенного на следующий день после похорон и подразумевавшего отказ от взаимных нападков. В основе такой непоследовательности лежала инерция «полевления» КПП после изгнания из ее руководства «левитов». Э. Майер не смог обуздать берлинских левых во главе с Р. Фишер и А. Масловым, которые требовали дополнить пакт пунктом о свержении правительства Й. Вирта. Диагноз, поставленный К. Цеткин еще в конце 1921 г., оставался актуальным: «Большинство членов ЦК не решается рассчитывать с масловцами потому, что они боятся вследствие этого потерять репутацию особенно радикальных»⁵¹.

Берлинцы вели себя крайне бесцеремонно на заседаниях Правления КПП, поскольку пользовались симпатиями А. Клейне (Гуральского), выполнявшего функции представителя ИККИ в Германии и в свою очередь находившегося под покровительством Г.Е. Зиновьева.

⁵⁰ По подсчетам специальной комиссии, правые радикалы в первые годы Веймарской республики совершили 354 акта политического террора, подавляющее большинство которых остались безнаказанными [Gumbel, 1922: 73–74].

⁵¹ Письмо К. Цеткин Г. Зиновьеву о ситуации в ЦК КПП. 18 декабря 1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 323.

После отъезда К. Радека в Москву на Второй расширенный пленум ИККИ (11–14 июня 1922 г.) А. Клейне обрел утраченную смелость и решил в очередной раз подстегнуть своих подопечных. В первые дни после убийства В. Ратенау он сообщал своему патрону, что КПП, согласившись на совместные акции с социалистами, топчется на месте и тормозит революционную энергию масс⁵². Г.Е. Зиновьев, и без того ревниво относившийся к немецкой партии как «заповеднику» К. Радека, решил показать ей, кто является хозяином в коминтерновском доме.

8 июля 1922 г. появилось обращение ИККИ к рабочим Германии, призывавшее использовать убийство В. Ратенау для того, чтобы остановить дрейф страны вправо. В обращении выдвигалась идея создавать комитеты действия для отпора монархической реставрации и военщине. Жесткий тон документа, который в очередной раз обращался к массам через головы вождей, явно противоречил установкам декабря 1921 г. и стал важным фактором прекращения сотрудничества коммунистов и социал-демократов. Правление КПП, отдавая себе в этом отчет, приняло беспрецедентное решение не публиковать обращение Исполкома Коминтерна в партийной печати⁵³.

Фракция КПП в рейхстаге также маневрировала между требованиями ИККИ проводить «боевую классовую линию» и реалиями политической ситуации в стране. Коммунисты настаивали на максимально жестких формулировках «закона о защите республики», который должен был положить конец как террору правых радикалов, так и саботажу консервативно настроенного чиновничества. В ходе первого чтения поправки фракции КПП были поддержаны социал-демократами и независимыми депутатами, однако партийное Правление требовало еще большего ужесточения формулировок [Reisberg, 1971: 540]⁵⁴. При окончательном голосовании 18 июля 1922 г. закон был принят при поддержке НСДПГ, СДПГ, либералов и партии Центра.

Так совпало, что в тот же день Г.Е. Зиновьев в личном письме, направленном руководителям КПП, не оставил им сомнений в том, насколько серьезно он относится к демократическим ценностям. «Эта поганая буржуазная республика есть не что иное, как удавка

⁵² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 195. Л. 11–17.

⁵³ Лишь после нажима со стороны ИККИ обращение было напечатано в газете «Die Rote Fahne» 25 июля 1922 г.

⁵⁴ Детальное изложение см.: [Reisberg, 1971: 507–535].

на шее рабочего класса», — данную фразу из своего письма председатель ИККИ повторил и в своем отчетном докладе на Четвертом конгрессе Коминтерна, придав ей статус исторической закономерности⁵⁵. Еще одним показателем, на чьей стороне находились его симпатии, стала смена руководителя КПП. Э. Мейер, возглавлявший ее после П. Леви, оставался для Г.Е. Зиновьева всё тем же левым социалистом, а значит, не большевиком. Советскому функционеру импонировали решительность и «левизна» Г. Брандлера, партийного деятеля с безупречной пролетарской биографией, который после побега из германской тюрьмы оказался в Москве. После августовской амнистии 1922 г. Г. Брандлер вернулся в Германию, но его формальное утверждение на пост председателя КПП произошло только на Лейпцигском съезде партии в январе следующего года.

Все эти шаги задавали вектор смещения немецкой компартии влево, которому уже не мог противостоять прагматичный радековский курс. На протяжении 1922 г. Г.Е. Зиновьев и К. Радек, два главных представителя РКП(б) в ИККИ, пытались найти приемлемый компромисс между своими взглядами на перспективы коммунистического движения, не вынося разногласия на заседания Исполкома Коминтерна. Однако переход конфликта в открытую фазу, как показывало их толкование политики единого рабочего фронта, был только вопросом времени. Вмешательство В.И. Ленина осенью 1921 г., когда вождь поддержал идею обращения к социал-демократическим «верхам», и в мае 1922 г., когда уступки делегации ИККИ в Берлине были сочтены чрезмерными, свидетельствовало об отсутствии у руководства большевиков ясного представления о том, какими путями должна развиваться созданная ими всемирная партия.

Позиция В.И. Ленина определялась тактическими мотивами: он выстраивал баланс противоположных мнений в ИККИ, сохраняя для себя роль «отсутствующего режиссера»⁵⁶. В условиях угасания послевоенной революционной волны он дал добро на использование зарубежных компартий для защиты внешнеполитических интересов Советской России. В секретариат В.И. Ленина стекались вполне реалистичные доклады о положении дел в европейских странах, хотя и не свободные от бюрократического подбострастия. 3 октября

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 103. Д. 26. Л. 35.

⁵⁶ Применительно к более позднему периоду Коминтерна эту роль английский историк Э.Х. Карр отводил И.В. Сталину. См. подробнее: [Макдермотт, Агню, 2000: 108–109].

1922 г. побывавший в Берлине Е.М. Ярославский указывал вождю на слабость и догматизм пропаганды КПГ: «...немецкий рабочий видит, что разговоры о кризисе буржуазного хозяйства находятся как бы в противоречии с некоторыми фактами. Крупп, Стиннес и другие промышленные и финансовые тузы на его глазах пухнут, богатеют, крепнут, и ему трудно принять характеристику германской буржуазии как колосса на глиняных ногах. А без этого ему трудно поверить в возможность победы над буржуазией»⁵⁷.

Социально-экономическая ситуация в Германии осенью 1922 г. работала на немецких коммунистов. В стране галопировала инфляция, ухудшение своего материального положения чувствовал на себе каждый рабочий. Рост инфляции объяснялся необходимостью выплаты репараций странам Антанты и связанной с этим попыткой «верхов» переложить финансовое бремя на «низы» общества. В этих условиях у коммунистов не оставалось никаких сомнений в том, что «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»⁵⁸ автоматически приведет страну к новой революции.

Впрочем, детали внутривнутриполитической повестки дня не слишком волновали лидеров КПГ. Их взгляды осенью 1922 г. были обращены на Россию, где должен был собраться Четвертый конгресс Коминтерна. Он открылся 5 ноября 1922 г. в Петрограде торжественным заседанием, посвященным пятилетнему юбилею революционного Октября. В.И. Ленин впервые не участвовал в церемонии открытия, вводную речь было поручено произнести К. Цеткин. Во время своего доклада, состоявшегося уже в Москве (это было его последнее публичное выступление), советский вождь уже не выглядел уверенным в себе лидером всемирного движения, хотя его харизма казалась иностранным коммунистам абсолютно непоколебимой. В предыдущие годы она неоднократно замораживала разногласия и конфликты в Коминтерне, но не могла заменить собой демократический механизм выработки генеральной линии. Мастер тактического маневра, В.И. Ленин не смог предложить стратегию отношений между российскими большевиками и зарубежными коммунистами, поскольку последние явно не горели желанием оставаться в роли «младших братьев». Кризисы послевоенных лет привели к их быстрому «взрос-

⁵⁷ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 264.

⁵⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 26. М., 1969. С. 218.

лению», свидетельством чего были уход из партий «строптивых» лидеров и скрытая фронда тех, кто продолжал считать себя лояльным Москве. Не было единства и внутри руководства РКП(б) — очевидный отход В.И. Ленина от активной политической деятельности порождал у его соратников естественное желание если не занять место вождя, то как минимум удержаться в его «близком кругу».

О порочности абсолютного доминирования большевиков в Коминтерне уже осенью 1920 г. заговорил Л.Д. Троцкий. Подчеркнув, что лозунг безоговорочной верности Москве, выдвинутый Коминтерном на Втором конгрессе, вполне справедлив, он решился сказать главное: «...лозунг этот ни в коем случае не может означать для сознательных рабочих других стран признания нашей организационной диктатуры над Интернационалом и международными профсоюзами»⁵⁹. Для иностранцев создатель Красной армии был и оставался «вторым номером» российской революции, и его вступление в ленинское наследство казалось само собой разумеющимся. Сам Л.Д. Троцкий отдавал себе отчет в том, какой политический капитал скрывался для него в международной поддержке, пусть даже со стороны одних только левых радикалов. Если на предыдущем конгрессе он ограничился одобрением поворота вправо, предпринятого В.И. Лениным, то на сей раз решил выйти на коминтерновскую авансцену.

Сохранилась его обширная переписка с «пятеркой», т.е. руководителями делегации РКП(б) на конгрессе. Кроме самого Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина в нее входили Н.И. Бухарин, К. Радек и Г.Е. Зиновьев. Именно к последнему были обращены многочисленные идеи Л.Д. Троцкого, касавшиеся широкого круга вопросов (до того он как член ИККИ участвовал только в дискуссиях, связанных с французской компартией). Уже после доклада В.И. Ленина, который многим из делегатов показался разочаровывающим, Л.Д. Троцкий подготовил тезисы о перспективах социалистического строительства в Советской России, настаивая на их включении в итоговые резолюции конгресса⁶⁰.

В них не только подводились итоги пяти лет партийной диктатуры в РСФСР, но и намечались дальнейшие шаги ее социально-

⁵⁹ Письмо Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) от 6 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 122. Л. 1–2.

⁶⁰ Троцкий Л.Д. Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения задач социалистической революции. 18 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 59. Л. 84–92.

экономического развития. Автор тезисов сохранял уверенность в международном значении опыта НЭПа, подчеркивая, что «каждое новое рабочее правительство будет стремиться — в той мере, в какой это допускают политические условия, — не разрушать механически буржуазный хозяйственный аппарат, в том числе банки и биржи, а подчинить его себе политически и организационно овладеть им для постепенной перестройки хозяйства на новых началах».

Главный вывод тезисов стал своего рода «ледяным душем» для иностранных коммунистов: «Советской России предстоит своими силами строить свое хозяйство в течение еще очень значительного периода, необходимого для подготовки европейского пролетариата к завоеванию власти»⁶¹. Это означало закрепление поворота вправо, начатого Третьим конгрессом Коминтерна и подразумевавшего отказ от ставки на «последний и решительный бой» в ближайшей перспективе. Естественно, на основе подобного прагматичного подхода Л.Д. Троцкому трудно было мобилизовать своих сторонников в зарубежных компартиях, да такой задачи на тот момент он еще и не ставил перед собой. Однако не прошло и пяти лет, как в среде левых радикалов начала обсуждаться идея Четвертого интернационала, в очередной раз «очищенного от оппортунизма».

Документ Л.Д. Троцкого, до сего дня практически незамеченный историками, был не чем иным, как его заявкой на роль главного стратега, причем не столько в Коминтерне, сколько в партийном руководстве. Это прекрасно понял Г.Е. Зиновьев, не допустивший обсуждения представленных тезисов даже в «пятерке». Его ремарки на записках Л.Д. Троцкого показывают, насколько ревниво он относился к предложениям своего соратника, который буквально фонтанировал новыми идеями. Председатель Коминтерна был его полной противоположностью: если Л.Д. Троцкий явно переоценивал свой потенциал, во многом оставаясь «чужим среди своих», то Г.Е. Зиновьев испытывал комплекс неполноценности, выискивая в каждом выступлении лидеров иностранных компартий нападки на собственный авторитет⁶².

⁶¹ Там же. Л. 87, 92.

⁶² Письмо Зиновьева Мейеру от 1 декабря и ответ Мейера от 4 декабря 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 157. Д. 2. Л. 83–84, 85. Э. Мейер сообщил Правлению КППГ о том, что в ходе конгресса «не всё получалось», о чем представители ИККИ в Берлине тут же донесли Г. Зиновьеву.

К концу 1922 г., как показывает переписка вождей РКП(б), они еще держались вместе, продумывая свою стратегию в грядущей борьбе за ленинское наследство. Идейное наступление Л.Д. Троцкого за кулисами Четвертого конгресса еще не было открытым вызовом сталинско-зиновьевскому большинству, но оно предвосхищало тот разрыв, который случится осенью 1923 г. [Резник, 2017]⁶³. Логика внутрипартийной борьбы вела к образованию неформальных групп и фракций — «троек», «семерок» и проч., и «пятерка» представителей РКП(б) в Коминтерне, ставшая фактическим режиссером его Четвертого конгресса, была первой ласточкой в процессе деградации «коллективного руководства». В этом плане можно сказать, что 1922 год стал самым спокойным не только для немецких коммунистов, но и для их российских единомышленников. Впереди у последних был затянувшийся период внутрипартийной турбулентности, который завершился изгнанием из страны Л.Д. Троцкого, репрессиями против его соратников и установлением режима личной власти И.В. Сталина. Но это уже другая история.

Германская политика Коминтерна на исходе 1922 г.

Значение Четвертого конгресса, хотя он и не стал местом памяти международного коммунистического движения, до сих пор явно недооценено. Даже если абстрагироваться от разворачивавшегося конфликта в руководстве РКП(б), решения, принятые на этой встрече, предвосхитили дальнейшую перспективу эволюции Коммунистического интернационала. Так, в ходе конгресса впервые был поднят вопрос о будущей программе Коминтерна, политика единого рабочего фронта получила расширительное толкование, в лексикон коммунистов вошло понятие «рабоче-крестьянское правительство».

Спор Г.Е. Зиновьева и К. Радека вокруг его трактовки выглядел уже рутинной. Первый продолжал настаивать на том, что рабочее правительство является синонимом диктатуры пролетариата, второй утверждал, что данное понятие служит лишь одним из переходных этапов на пути к ней. Делегация РКП(б) на конгрессе поддержала последнюю точку зрения. Г.Е. Зиновьеву, чтобы не уронить свой авторитет, в заключительной речи пришлось выстраивать целую

⁶³ РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004.

иерархию вариантов рабочего правительства — от либеральных до «настоящих», т.е. с безусловным доминированием коммунистов.

В последнюю неделю работы конгресса (он завершился 5 декабря) его президиуму пришлось заняться решением вопроса, который не терпел отлагательства. Речь шла о политике саксонской организации КПП, от позиции которой зависела судьба регионального правительства, состоявшего из представителей СДПГ. Угроза присоединения к оппозиции буржуазных партий была для коммунистов важным инструментом подталкивания саксонских властей влево. Фракция КПП в земельном парламенте вопреки указаниям из Берлина несколько раз отказывалась от голосования против правительственных решений, предпочитая вести дело к его роспуску.

Досрочные выборы 5 ноября 1922 г. усилили позиции СДПГ и КПП в ландтаге, две партии получили 51 депутатский мандат из 96 [Reisberg, 1971: 598–614]. Впервые в истории идея образования правительства «по ту сторону от буржуазии» с соблюдением всех правил парламентской демократии получила шанс практического воплощения. Правление КПП одобрило участие земельной организации партии в переговорах об образовании рабочего кабинета министров, хотя и обставило его крайне жесткими условиями. Социал-демократы были вынуждены пойти на уступки, переговорщики находились в шаге от успеха.

Однако роковую роль сыграла политическая несамостоятельность немецкой секции Коминтерна. Окончательное решение следовало принять в Москве, куда и были направлены соответствующие просьбы. Уже в их формулировках было заметно желание перестраховаться, чтобы впоследствии не быть обвиненными в оппортунистических шатаниях. «У нас нет ни малейших сомнений в том, что социал-демократы хотят образовать правительство вместе с нами, чтобы в решающий момент нас предать», — писали лидеры КПП⁶⁴.

Запросы из Лейпцига и Берлина пришли в Москву в крайне неудачный момент: Четвертый конгресс продолжал свою работу, выборы нового Исполкома еще не состоялись. Сославшись на нехватку информации, президиум конгресса не принял никакого решения, а во время встречи делегаций РКП(б) и КПП В.И. Ленин посчитал образование такого правительства на региональном уровне преждевременным. Это лишь усилило неуверенность у членов Правления

⁶⁴ Письмо Пауля Бетхера в ИККИ от 22 ноября 1922 г. Цит. по: [Reisberg, 1971: 608].

КПП: дав 29 ноября согласие на поддержку коммунистами премьер-министра от социал-демократов (им стал, как и ранее, Т. Бук), они выступили против вхождения последних в правительство, чтобы компартия не выглядела перед рабочими как пособница соглашателей и оппортунистов. Такое решение меньше всего учитывало интересы саксонских пролетариев, но гораздо важнее было не навлечь на себя недовольство Москвы. И в данном случае партийные лидеры угадали: их догматическая принципиальность получила положительную оценку в Исполкоме Коминтерна.

На Двенадцатом съезде РКП(б) Н.И. Бухарин, говоря о рабоче-крестьянском правительстве и тех, кто допускает ошибки в борьбе за него, обратился к саксонскому примеру. «Есть еще такой уклончик, который можно определить как недооценку возможности скомпрометировать лозунг рабочего правительства, осуществляя его в неудачный момент. Мы с немецкими товарищами спорили на IV конгрессе Коминтерна по поводу вхождения в саксонское правительство. Мы могли туда войти. Но там нас придушили бы, и мы либо не вовремя начали бы борьбу, либо вынуждены были бы сделать социал-демократам уступки, либо выйти из правительства, что, несомненно, скомпрометировало бы лозунг рабочего правительства»⁶⁵.

Эксперимент с образованием правительства из СДПГ и КПП, пусть даже закончившийся безрезультатно, перебрасывал для Коминтерна мостик к следующему календарному году. В октябре 1923 г. после образования коалиционного правительства Саксонии с участием коммунистов и социал-демократов Германия в последний раз стала полигоном пролетарской революции по большевистскому лекалу [Deutscher Oktober 1923, 2003].

Подводя итоги

Термин «стабилизация» в 1922 г. еще не вошел в обиход Коминтерна, хотя он как нельзя лучше подходил для общей оценки ситуации в европейских странах, включая Советскую Россию. Вернувшись в Германию 17 декабря 1922 г. после антивоенного конгресса в Гааге, организованного Амстердамским интернационалом, К. Радек писал членам Политбюро о том, как видели новую эпоху и место в ней России зарубежные социалисты. «Они убеждены, что период

⁶⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1968. С. 288.

революции окончен, что Советская Россия поворачивает направо и что РКП повернет направо. Так же, как Ллойд Джордж надеялся ускорить эволюцию Советской России допущением ее в так называемую семью наций, само собой понятно, после периода исправления, так же они надеются способствовать поправлению русских рабочих, допуская их на международные съезды <...>. Трульстра [один из лидеров голландской социал-демократии] рассказал публично, что мы должны побывать в карантине.

Доказательством для них нашего исправления должно быть прекращение с нашей стороны травли вождей. Раз мы это сделаем, то ясно, что мы возвращаемся к корыту и будем играть роль смиренного левого крыла, которое принимает во внимание и отклоняет, но вообще никому не мешает. Так как элемент их самочувствия имеет значение и для нас, то я считаю, что, продолжая еще более настойчиво тактику единого фронта, мы должны усилить их травлю»⁶⁶. Коротая дни в Берлине, перед тем как выехать в Норвегию, К. Радек имел возможность поразмыслить о новых угрозах, которые несла с собой послереволюционная эпоха. Для него прошедшие годы стали крахом надежд не на мировую революцию, а на реформы, завоеванные демократическим путем.

23 декабря 1922 г. он писал Г.Е. Зиновьеву, что немецкая социал-демократия, уступившая лидерство буржуазным партиям, вполне мертва, а значит, у правящих кругов Запада не осталось надежд на демократические методы правления. Для того чтобы удержать рабочий класс в повиновении, они от пряника обратятся к кнуту, и «в связи с этим я считаю опасность фашизма в Германии совершенно реальной». Автор письма справедливо отметил, что нацисты обратили свое внимание на рабочий класс, демонстрируя среди прочего и свое пролетарское происхождение («глава баварских фашистов Киттлер — бывший рабочий маляр», продолжал К. Радек, издеваясь над художественными поисками раннего А. Гитлера)⁶⁷.

Исполком Коминтерна на своем первом заседании в 1923 г. признал, что алгоритм дальнейших событий в Европе задан победой партии Б. Муссолини в Италии⁶⁸, которая рано или поздно найдет свое повторение и в других странах. Фашисты поставят под во-

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 3. Д. 456. Л. 100–101.

⁶⁷ Там же. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 13.

⁶⁸ В прениях на заседании ИККИ 3 января 1923 г. выступал Антонио Грамши, который в 1922 г. являлся представителем Итальянской коммунистической партии в

прос неизбежность Версальской системы и заставят потесниться либеральную буржуазию, однако это не должно быть поводом для злорадства коммунистов. В русле политики единого рабочего фронта ИККИ в тот же день принял решение о создании международного Фонда борьбы против фашизма, предложив Лондонскому и Амстердамскому интернационалам разработать совместную программу антифашистских действий.

Как и другие политические силы, Коммунистический интернационал ощупью двигался к пониманию сущности такого политического феномена, как фашизм. Трудно обвинять политических деятелей прошлого в том, что они не обладали даром предвидения. Но следовало как минимум помнить об уроках истории и прежде всего о попытке наладить политическое сотрудничество трех рабочих Интернационалов весной 1922 г. Пройдет еще десять лет, и Германия погрузится в пучину нацистского варварства, заставив Коминтерн отказаться от ставки на захват власти коммунистами и вернуться к политике единого антифашистского фронта, на сей раз включившего и либеральные партии.

Декабрь 1922 г. стал не только временем завершения работы Четвертого конгресса Коминтерна, но и датой появления на осколках Российской империи нового государства — СССР. Дискуссии о его внутреннем устройстве и названии несли на себе отпечаток курса на мировую революцию, ставшего идейным стержнем международного коммунистического движения. Свою заключительную речь на Учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. В.И. Ленин завершил словами: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной советской республики»⁶⁹.

На последующих форумах речь шла уже о Союзе советских социалистических республик мира, который придет на смену Соединенным штатам Европы как объединению империалистических держав для дележки неподконтрольной им земной суши⁷⁰. Это видение будущего, подразумевавшее победу пролетарских революций

Коминтерне. Впоследствии он стал одним из самых знаменитых политзаключенных фашистского режима в Италии. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 65. Л. 27–28.

⁶⁹ Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. М., 1933. С. 169.

⁷⁰ Следует отметить, что изначально лозунг «Соединенные штаты Европы» имел позитивное звучание для марксистски ориентированных социалистов, однако был отвергнут большевиками в годы Первой мировой войны. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 351–355.

в большинстве стран планеты, и перешло в название государства, просуществовавшего с 1922 по 1991 г. В аббревиатуре СССР отсутствовало слово «Россия», что символизировало установку на отречение от «старого мира», как пелось в рабочей Марсельезе, весной 1917 г. ставшей гимном российской революции. Лишь после победы сталинской концепции «построения социализма в одной стране» о всемирном Союзе советских республик в реально существовавшем СССР стали постепенно забывать⁷¹.

История учит, что, как поется в известной песне, «ничто на Земле не проходит бесследно». Биполярная система международных отношений оформилась в заданной Коминтерном тональности глобального противостояния двух мировых систем. Сам Коммунистический интернационал, распущенный в 1943 г., не дожил до этого момента, однако эхо его идейных наработок еще долго звучало и в общественных дискуссиях, и в дипломатических спорах эпохи холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге в 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
2. Ватлин А.Ю. Новые данные о взаимоотношениях трех Интернационалов 1919–1922 // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 35–56.
3. Ватлин А.Ю. Рождение политики единого фронта: «русское измерение» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 1. С. 148–166.
4. Время Коминтерна: Материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала М.: ГПИБ, 2020.
5. Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
6. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1969.

⁷¹ Одно из последних упоминаний этой идеи (хотя и урезанной до масштабов Европейского континента) содержится в проекте программы Коминтерна, подготовленном Н.И. Бухариным весной 1928 г.: «Раздробление Европы, ее относительный упадок по сравнению с мощным и вооруженным до зубов американским империализмом, назревание пролетарского кризиса именно в Европе, все это делает необходимым лозунг Социалистических Советских Соединенных Штатов Европы, как переход к европейско-азиатскому, а затем и мировому Союзу пролетарских государств». См.: РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 42. Л. 48. В окончательный вариант программы, принятый Шестым конгрессом Коминтерна, это положение не вошло.

7. Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна: Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2020.

8. Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000.

9. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005.

10. Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

11. Фирсов Ф.И. К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 113–127.

12. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

13. Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern / von B. Bayerlein, L. Babichenko, F. Firsov, A. Vatlin. Berlin, 2003.

14. Gumbel E.J. Vier Jahre politischer Mord. Berlin-Fichtenau: Verlag der Neuen Gesellschaft, 1922.

15. Gruber H. Soviet Russia masters the Comintern. New York: Doubleday, 1974.

16. Reisberg A. An den Quellen der Einheitsfrontpolitik. Bd. 1. Berlin: Dietz, 1971.

17. Retzlaw K. Spartacus. Erinnerungen eines Parteiarbeiters. Frankfurt am Main: Verlag Neue Kritik, 1976.

18. Schoeler U. Otto Bauer und Sowjetrussland. Berlin (West): DVK-Verlag, 1987.

19. Studer B. The transnational world of the Cominternians. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015.

20. Winkler H.A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. Berlin, Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 1984.

REFERENCES

1. Bystrova N.E. 2020. *Sovetskaya Rossiya na konferentsiyakh v Genue i Gaage v 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the 1922 Genoa and the Hague conferences: A view from the Kremlin]. Moscow, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

2. Vatlin A.Yu. 1993. Novye dannye o vzaimootnosheniyakh trekh Internatsionalov 1919–1922 [New data on the relations between the three Internationals 1919–1922]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 35–56. (In Russ.)

3. Vatlin A.Yu. 1990. Rozhdenie politiki edinogo fronta: ‘russkoe izmerenie’ [The formation of the United Front Policy: The ‘Russian dimension’]. *Rabochii klass i sovremenniy mir*, no. 1, pp. 148–166. (In Russ.)

4. *Vremya Kominterna: materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii k 100-letiyu Kommunisticheskogo Internatsionala* [The time of the Comintern: Proceedings of international scientific conferences on the 100th anniversary of the Communist International]. 2020. Moscow, GPIB Publ. (In Russ.)

5. Gorlov S.A. 2001. *Sovershenno sekretno: al'yans Moskva–Berlin, 1920–1933 gg.* [Top secret: The Moscow–Berlin alliance, 1920–1933]. Moscow, OLMA-Press Publ. (In Russ.)

6. *Kommunisticheskii Internatsional. Kratkii istoricheskii ocherk* [Communist International. A historical essay]. 1969. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

7. Sorokin A.K. (ed.). 2020. *Levaya al'ternativa v XX veke: drama idei i sud'by lyudei. K 100-letiyu Kominterna* [The left alternative in the 20th century: The drama of ideas and the fates of people. On the 100th anniversary of the Comintern]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

8. McDermott K., Agnew J. 1997. *The Comintern: A history of international Communism from Lenin to Stalin*. New York, St. Martin's Press [Russ. ed: Makdermott K., Agnyu Dzh. 2000. *Komintern. Istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina*. Moscow, AIRO-XX Publ.].

9. Morozov K.N. 2005. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [Trial of Socialist-Revolutionaries and aprison standoff (1922–1926): Ethics and tactics of confrontation]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

10. Reznik A.V. 2017. *Trotskii i tovarishchi: levaya oppositsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923–1924* [Trotsky and comrades: The left opposition and the political culture of the RCP(b), 1923–1924]. Saint Petersburg, EUSP Publ. (In Russ.)

11. Firsov F.I. 1987. K voprosu o taktike edinogo fronta v 1921–1924 gg. [On the tactics of the united front in 1921–1924]. *Voprosy istorii KPSS*, no. 10, pp. 113–127.

12. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revolyutsionnogo ‘zapadnichestva’ k ‘natsional-bol'shevizmu’* [The formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: From revolutionary ‘Westernism’ to ‘national Bolshevism’]. Saint Peterdurg, Dmitry Bulanin Publ. (In Russ.)

13. Bayerlein von B., Babichenko L., Firsov F., Vatlin A. (eds.). 2003. *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Berlin, Aufbau-Verlag.

14. Gumbel E.J. 1922. *Vier Jahre politischer Mord*. Berlin-Fichtenau, Verlag der Neuen Gesellschaft.
15. Gruber H. 1974. *Soviet Russia masters the Comintern*. New York, Doubleday.
16. Reisberg A. 1971. *An den Quellen der Einheitsfrontpolitik. Bd. 1*. Berlin, Dietz.
17. Retzlaw K. 1976. *Spartacus. Erinnerungen eines Parteiarbeiters*. Frankfurt am Main, Verlag Neue Kritik.
18. Schoeler U. 1987. *Otto Bauer und Sowjetrussland*. Berlin (West), DVK-Verlag.
19. Studer B. 2015. *The transnational world of the Cominternians*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan.
20. Winkler H.A. 1984. *Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924*. Berlin, Bonn, Verlag J.H.W. Dietz.